

Се И покинул ипподром и до самого полудня был занят делами. Ближе к концу рабочего дня он поднял голову, взглянул на медленно клонящееся к закату солнце и принялся прикидывать, во сколько ему нужно вернуться, чтобы забрать человека.

Первый министр, у которого до сих пор не было ни жены, ни детей, в свои без малого тридцать лет впервые познал, что значит испытывать беспокойство за кого-то другого.

И беспокоился он о ребенке из чужой семьи.

Видно, в прошлой жизни он был перед ним в долгу.

Се И покачал головой, сетуя на судьбу, и только собрался встать, чтобы переодеться, как вдруг до него донесся суетливый топот ног.

— Господин Се, беда!

Фан Юань, не дожидаясь доклада, ворвался в кабинет. Вид у него был такой, будто он вот-вот расплачется.

— Маленький принц упал с лошади!

Услышав это, Се И на мгновение оцепенел, сердце пропустило удар, а следом нахлынуло горькое раскаяние — он пожалел, что поддался минутной слабости и позволил Хэлань Си оставить Тасюэ у себя.

Он быстро вышел из кабинета, на ходу спрашивая:

— Что случилось? Императорский лекарь уже осмотрел его?

Наконец осознавший, кого именно он только что отшил, лекарь пробормотал:

— ...Да.

Они были слишком нетерпеливы.

— Кто-нибудь еще подходил к манежу после того, как я ушел?

Тасюэ, хоть и отличалась норовистым характером, ни с того ни с сего не стала бы беситься. Если Хэлань Си, несмотря на травму, упорно настаивал на осмотре лошади, значит, он что-то обнаружил.

Се И слегка коснулся его лодыжки, вызвав жалобный вскрик, и выразил глубокие сомнения в словах лекаря:

— Сколько дней?

Фан Юань ответил честно:

— Туда заходили только князь Жун и Ван Нин.

Хэлань Си, глядя на него покрасневшими глазами, прошептал лишь одно слово:

— Больно...

После падения с лошади и нескольких кувырков по земле даже самый опрятный человек перестанет выглядеть пристойно.

Се И присел на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне, и с досадой проговорил:

— И минуты не прошло, как я ушел, а ты уже не можешь обойтись без приключений? Неужели тебе обязательно нужно, чтобы кто-то следил за тобой не смыкая глаз?

— Да, — слегка кивнул Се И. — Тогда выписывайте лекарства.

— Взбунтовалась? — Се И почти сразу понял, что дело нечисто.

Мальчик больше не требовал осмотреть лошадь и не утверждал, что с ним все в порядке.

— Как раны принца?

Поспешивший на зов лекарь вытер пот со лба и с опаской доложил:

— Ничего серьезного, одни лишь ссадины. Через пару дней после нанесения мази все пройдет.

Ущемленный в своем профессиональном достоинстве, лекарь добавил увереннее:

— Выглядит страшно, но самое большее через десять дней он будет как новенький, снова начнет бегать и прыгать.

Одежда была не только перепачкана грязью, но и местами порвана, прическа растрепана,

лодыжка вывихнута — вид был еще более жалкий, чем если бы он только что вынырнул из воды.

Возвращаясь на манеж, Се И представлял себе, в каком состоянии найдет Маленького принца, но, увидев его воочию, не смог сдержать гнев, закипавший внутри.

Взгляд Се И помрачнел.

— Учитель... — при виде его у Хэлань Си тут же прорвало плотину обиды.

Первый министр вмиг сдался и не смог произнести ни одного упрека.

Фан Юань семенил следом:

— Я сразу послал за лекарем, но принц твердил, что он в порядке, и рвался к той взбесившейся лошади. Я человек маленький, мне его не переубедить, пришлось идти к вам, господин.

Разобравшись в ситуации, Се И подхватил его на руки и спокойным тоном распорядился:

— Пошли кого-нибудь доложить Императору, что принц ранен, а сам отправляйся с лекарем за снадобьями.

— Пойдите, — Хэлань Си все еще беспокоился о несправедливо пострадавшей Тасюэ. — А как же она?

— Она сама дойдет.

Хэлань Си, который сам пока не мог дойти, промолчал.

Едва Се И доставил его в покои, как следом пожаловал Император Юнмин. Увидев столь жалкий вид Хэлань Си, он пришел в ужас.

— Как же так вышло, что ты упал с лошади? Серьезны ли раны? Что сказал лекарь? — Он присел на край кровати и обвел взглядом прислугу. — Как вы присматривали за своим господином?!

Под гнетом императорского величия слуги пали на колени, а Фан Юань, который сегодня был единственным сопровождающим Хэлань Си, и вовсе боялся вздохнуть.

В этой гнетущей атмосфере Се И пересказал слова лекаря, взяв вину на себя:

— Если искать виновных, то, боюсь, с меня спрос будет первым.

В то же время Хэлань Си поспешил оправдаться:

— Это я сам был неосторожен, отец.

Император Юнмин невольно усмехнулся:

— Вы оба противоречите друг другу, кому же мне верить?

— Я первым оставил принцу такую норовистую лошадь, а то, что он упал — лишь следствие, так что вина лежит на мне, — Се И оставался верен себе, даже оправдываясь, он был безупречно логичен.

К счастью, раны Хэлань Си оказались нетяжелыми. Раз это был несчастный случай, не имело значения, кто несет ответственность.

Убедившись, что все в порядке, Император Юнмин дал наставления и удалился.

Фан Юань, отличавшийся редкой проницательностью, увел слуг, чтобы оставить их наедине.

Се И подошел к тазу, выжал полотенце и, сев на место Императора, собрался было протереть лицо принцу.

— Я сам, — Хэлань Си поспешно выхватил у него ткань и принялся небрежно тереть лицо.

С кем-то другим он бы без смущения принял такую помощь, но когда это делал Се И, внутри возникало неловкое чувство, от которого невозможно было избавиться.

Се И не стал настаивать. Когда мальчик закончил, он спросил:

— Почему ты не сказал Императору, что это было преднамеренное покушение?

Хэлань Си округлил глаза:

— Откуда ты знаешь?

— Догадаться несложно, — Се И всегда сохранял трезвый рассудок. — Фан Юань сказал, что ты упал, когда Тасюэ внезапно взбесилась. А после случившегося ты, невзирая на боль, настаивал на осмотре лошади. Тогда я понял, что у тебя возникли подозрения. И если я не ошибся, ты

промолчал, потому что не нашел доказательств.

Хэлань Си тяжело кивнул.

— После твоего ухода я больше не садился в седло. А когда солнце начало садиться, решил проехаться, но как только мы побежали, Тасюэ словно пронзила острая боль. Я внимательно осмотрел ее и нашел на задней ноге след от укола иглой — ранка была крошечной, ее легко не заметить.

А саму иглу, скорее всего, уже успели извлечь и уничтожить в суматохе.

Ни свидетелей, ни улики — одни лишь слова. Как бы красноречив он ни был, толку не будет. Да и ссоры между братьями — это не то, что хотел бы видеть Император Юнмин.

— Зачем приходили князь Жун и Ван Нин? — спросил Се И.

Хэлань Си ответил:

— Ван Нин хотел мою лошадь и предложил поспорить на нее, но, на мой взгляд, они просто хотели посмеяться надо мной.

— Принцу стоит принять его пари, — посоветовал Се И.

— Что?

Се И небрежно бросил полотенце в таз и невозмутимо продолжил:

— Чем больше противник дорожит чем-то, тем сильнее он будет страдать, когда ты это заберешь. То, что он хочет увидеть в тебе, в один прекрасный день обернется против него самого. Он использует коварство, мы же используем стратегию.

Хэлань Си быстро уловил смысл слов Се И и воодушевился.

— Я не только соглашусь, но и сделаю так, чтобы отец узнал об этом. А лучше — чтобы все узнали.

Однако он должен быть уверен, что сможет победить Хэлань Сюаня, иначе все усилия пойдут прахом.

Се И уже подумал об этом:

— Ван Нин — лучший наездник среди принцев, но ты учишься всего день. Если Император прикажет, чтобы Ван Нин дал тебе фору или подождал с началом гонки, почему бы и нет?

Талант Хэлань Си к верховой езде и стрельбе из лука не уступал таланту его матери. При должной практике и с такой лошадей, как Тасюэ, победа над Хэлань Сюанем не была чем-то невозможным.

— Методы господина Се... и впрямь оправдывают свою славу, — искренне восхитился Хэлань Си.

К счастью, они друзья, а не враги.

Се И дернул уголок губ:

— Что, принц, передумал?

— Нет, мне это очень нравится, — ответил Хэлань Си.

Известие о визите Императора к Седьмому принцу быстро дошло до ушей Хэлань Цзиня.

С тех пор он не находил себе места.

Хотя от Императора никаких распоряжений не поступало, ему казалось, что Хэлань Си уже со слезами на глазах нажаловался отцу на их преступления, и, быть может, уже в следующую минуту его вызовут на очную ставку.

Так, изнывая от беспокойства до самой ночи, Хэлань Цзинь, как и всегда, натворив дел, побежал за помощью к старшему брату. В конце концов, всегда находился кто-то, кто разгребал за него последствия.

Хэлань Тин с каменным лицом выслушал его рассказ, прекрасно зная натуру брата, который ничему не учился на своих ошибках.

— Отец не станет всерьез слушать этого паршивца и призывать меня к ответу, верно?

Если бы это случилось раньше, Хэлань Цзинь и не подумал бы спрашивать — он лишь переживал бы, что наказание для обидчика оказалось недостаточно суровым. Но времена изменились, и теперь он каждый день боялся совершить оплошность, за которую его может отчитать отец.

Хэлань Тин утешил его:

— Конечно, нет. Даже если не брать в расчет, жаловался ли он отцу, даже если доказательства будут железными, какое тебе до этого дело?

— А? Разве мне нет дела? — глупость и подлость Хэлань Цзиня были одинаково чистыми, что было одновременно его слабостью и его преимуществом. По крайней мере, Хэлань Тину это нравилось.

— Зачинщик — четвертый брат, он дал вещь, он отдал приказ. А ты, А Цзинь, всего лишь вставил пару слов, когда он предложил устроить гонки. Какой же это великий грех?

— Верно! Так и есть! Четвертый вовсю строил козни, чтобы подставить меня, вот же мерзавец!
— Поняв это, Хэлань Цзинь разочарованно вздохнул: — Столько усилий потратил, а тот даже ноги не сломал, зря старался.

И его заставил зря нервничать.

Хэлань Тин серьезно произнес:

— Раз это тебя не касается, что бы ни случилось дальше, делай вид, что ничего не знаешь.

— Само собой. В конце концов, четвертый сам натворил бед, пусть не смеет втягивать меня.

Хэлань Тин с улыбкой погладил его по голове:

— Слуги сказали, ты не притронулся к ужину. Должно быть, проголодался, я велю принести тебе закуску.

Сказанное братом напомнило ему о голоде.

— Пусть принесут побольше пирожных с крабовой икрой.

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/21322/2163151>